

УДК 327(47:51:517.3)(091)

Русско-китайско-монгольский Кяхтинский договор 1915 г.³

О. Батсайхан

Институт международных исследований Академии наук Монголии, г. Улан-Батор

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы русско-китайско-монгольских трехсторонних переговоров, проходивших с 26 августа 1914 г. по 25 мая 1915 г. (по новому летоисчислению – с 8 сентября 1914 г. по 7 июня 1915 г.) в Кяхте, главным из которых был вопрос о независимости Монголии. Дана научная оценка итогам трехсторонних переговоров.

Ключевые слова: Богдо Жавзандамба-хутухта, Монгольская национальная революция 1911 г., Китай, Россия, Монголия, Внешняя Монголия, независимость, Богдо-хан, Богдо-гэгэнь, Кяхта, Кяхтинский договор 1915 г.

* * *

Трехсторонние переговоры проходили в городке крупных русских миллионеров, находящемся на русско-монгольской границе в Кяхте, где начиная с XVIII в. сосредотачивался основной торговый центр на пересечении торговых путей Кяхта – Хурэ – Калган. Большинство торговых путей между Россией и Китаем проходило через Кяхту, и все многочисленные экспедиции российского правительства в Монголию, Китай и Тибет останавливались там проездом. С другой стороны, крупные миллионеры, сосредоточенные в Кяхте, спонсировали эти экспедиции, а также в Монголии работали золотодобывающие компании, такие как «Монголор» и др. Русско-китайско-монгольские трехсторонние переговоры 1915 г. проходили в Кяхте, связанной многосторонними отношениями с Монголией, в доме российского пограничного комиссара.

В Кяхте в 1725–1727 гг. проходили переговоры между Россией и Дайцином, были заключены Кяхтинский договор от 21 октября 1727 г. и Буринский договор от 20 августа 1727 г. как составная часть Кяхтинского, регулирующей вопрос о северной границе Монголии, который считается до сих пор одним из уникальных исследовательских источников. Таким образом, в Кяхте неоднократно решался вопрос о Монголии, и в XX в. Кяхта не раз сыграла свою роль в судьбе Монголии.

Основным вопросом русско-китайско-монгольских трехсторонних переговоров с 26 августа 1914 г. по 25 мая 1915 г. (по новому летоисчислению с 8

³ В монгольском варианте употреблен термин «договор», а в русском – «соглашение».

сентября 1914 г. по 7 июня 1915 г.) был вопрос о независимости Монголии. На протяжении всех переговоров в центре внимания находился вопрос о суверенитете и независимости Монголии, однако тщательное обсуждение данного вопроса состоялось на 13-м заседании, проходившем с 8 сентября по 10 ноября 1914 г. [3].

Глава монгольской делегации, министр Дашжав, предложил обсудить договор о дружбе и торговле на основе договора о дружбе и торговле между Россией и Монголией, руководствуясь принципами добрососедства и оставив в стороне разногласия. Посол Российской империи выдвинул предложение о подготовке документа с учетом мнений двух сторон, поскольку «позиции Монголии и Китая во многом различаются» [4, с. 8].

Монгольская сторона, руководствуясь российско-монгольским договором 1912 г., рассматривала Монголию как «суверенную и самостоятельную», а представители Российской империи под словом «автономия» подразумевали «самоуправление под протекторатом», оговариваясь при этом, что это «в значительной степени применительно также к маленькой стране с ограниченными правами» [4, с. 8].

Посол Российской империи говорил монгольским представителям, что право «сюзеренитета» нигде не применяется в отношении зависимой страны, региона, аймака, а под этим подразумеваются «международно-правовые отношения доминирования сильных государств над более слабыми вассальными государствами». Таким образом, из этого следует, что Китай по-своему интерпретировал эти два понятия, пытаясь вынудить Монголию признать эту точку зрения, а поскольку мы также не признаем ее, то и вы не признавайте это.

Правительство Российской империи в первые месяцы переговоров о суверенитете Монголии отнеслось положительно к вопросам, выдвигаемым монгольской стороной, и прослеживалась тенденция поддержать их. Однако впоследствии монгольское правительство пришло к мнению, что вопрос о приобретении независимости в полном смысле слова, объединения монгольских племен Внутренней Монголии и Барги обречен на неудачу. Оно придерживалось позиции, что вопрос взаимоотношений Монголии с иностранными государствами должен решаться совместно с Россией и Китаем [3].

Если сказать, в чем состояла политика Российской империи по отношению к монгольскому вопросу, которой она придерживалась с 1911 г., то она заключалась в том, чтобы способствовать признанию Монголией формального сюзеренитета Китая над собой, становлению Внешней Монголии как автономного государственного образования с сохранением внутренней структуры, исключительными правами управления и широкой сферой деятельности.

Выступления глав делегаций Российской империи и Китая – стран – участниц трехсторонних переговоров отражали политику правительств обеих стран по отношению к Монголии.

Представители Китая, выражая свое мнение на переговорах трех стран, прежде всего требовали от представителей Монголии официального отказа от независимости, настаивали на признании Внешней Монголии как одной из автономной составляющей части китайской территории. Представители Монго-

лии выразили несогласие с этим, ответив, что они не видят необходимости официально отказаться от независимости [3].

Таким образом, представители Монголии на протяжении всех переговоров не отступали от своей позиции, которой они придерживались, и упорно боролись за независимость и суверенитет Монголии.

Два китайских посланника перед выездом из Пекина были на аудиенции у своего президента и получили четыре инструкции и указания, которые заключались в следующем: во-первых, признать официальную декларацию, во-вторых, признать недействительной так называемую независимость, В-третьих, считать недействительным титул «Многими Возведенный». В-четвертых, аннулировать звание хана, сохранив по-прежнему имя Джебцзундамба. Эти условия ставились как необходимые предпосылки для начала переговоров, которые Внешняя Монголия должна была принять. Была дана инструкция, что выполнение этих четырех условий в первую очередь явится самым главным условием для участия в переговорах китайской стороны [7].

Если рассмотреть заявления, интерпретацию и возражения монгольских представителей в связи с запросами китайских представителей, то глава монгольской делегации Дашжав дал решительный отпор, заявив, что Монголия не видит необходимости официально отказаться от провозглашенной независимости, и потребовал слова «Внешняя Монголия» во второй статье проекта переговоров заменить на слово «Монголия».

Это было связано с тем, что его требование предоставит возможность в ходе переговоров поставить вопрос о присоединении Внутренней Монголии и Барги к Внешней Монголии и помимо этого явится важным условием в деле объединения других монгольских народностей, что явилось бы гарантией для ее действительного существования. В ходе жарких дебатов полноправные правители Китая сочли возможным под применяемым в отношении к Внешней Монголии названием «государство» подразумевать слово «страна» (орон) [4, с. 8].

Монгольские представители выражали свой протест: «Употребляемое нами слово “улс” следует переводить как “государство”, а не как “страна”», и придерживались своей линии на то, что они не станут по требованию китайцев менять титул императора «Многими Возведенного» и название «Монголия».

Представители Российской империи и Китая, в особенности руководители Китая, категорически сопротивлялись определению Монголии как государства, они упорствовали, считая, что «если будет писаться Монголия как государство, то это будет трактоваться как ее отделение от Китая и может привести к поглощению ее Россией» [3]. После продолжительных дебатов стороны Китая, России и Монголии пришли к соглашению, что «поскольку Внешняя Монголия провозгласила независимость, из текста соглашения следует изъять упоминание об этом». И «посланники России и Китая после длительных обсуждений договорились сохранить прежнее монгольское написание «правительство по государственным делам», а при написании слов «ограниченная монархия» и «суверенитет» руководствоваться французским языком» [3]. Монгольским представителям удалось получить разрешение сохранить название «самоуправляемая Внешняя Монголия».

Китайский посланец выразил пожелание, чтобы «Внешняя Монголия ликвидировала титул года Многими Возведенного и следовала китайскому летоисчислению». На это монгольские представители выразили протест: «Переговоры возможны лишь после того, как вы разрешите нам сохранить названия государства, титула хана и названия года» и объяснили, что «слово император по-русски означает “повелитель”, а слово “хаан” по-монгольски пишется как “хаан” и по-русски означает “государь”».

В связи с обсуждаемым вопросом руководители российского представительства напомнили китайским представителям, что в заявлении китайских правителей не упоминается о королях и императорах государства Кореи, а также привели, в частности, пример Египта, где титул государя Кадив не переводится на другие языки, упомянув, что в таких странах, как Марокко, Бухара, Хива, находящихся «под защитой» других государств, «по-прежнему пользуются званиями “султан”, “эмир” и “хан”».

Представители Китая выразили протест в связи с приведенными российскими представителями примерами Кореи, Марокко и Египта. Руководитель китайской делегации высказался: «Эти примеры неприемлемы в случае Внешней Монголии».

В ходе обсуждения проектов документа, подготовленных в отдельности тремя сторонами, дебаты по вопросу о титуле хана Монголии доходили до точки кипения, порой заходя в тупик. В связи с возникшими обстоятельствами глава китайской делегации Би Гуй Фан отправил телеграмму в свое министерство иностранных дел «с желанием прекратить переговоры и отозвать своего представителя». Поскольку в то же время Япония выдвинула 21 требование Китаю и направила свои войска в Китай, министерство иностранных дел Китая прислало ответ о необходимости продолжить переговоры, выдвинув на первый план мирное решение вопросов на трехсторонних переговорах.

Китайские и монгольские представители после длительных споров в конце концов благодаря посредничеству представителей Российской империи пришли к договоренности о том, чтобы «именовать Богдо-хана Монголии Проясненный Богдо Джебцзундамба-хутухта-хан Внешней Монголии». Также пришли к единому согласию в том, что в официальных документах в отношениях с Китаем «пользоваться летоисчислением Китая, прилагая к этому монгольское летоисчисление из 12 месяцев и 4 сезонов года», а при производстве документов внутри Монголии и с Россией по-прежнему использовать государственное название «года Многими Возведенного» [4, с. 28].

Так было записано об использовании монгольского летоисчисления в ежедневных протоколах трехсторонних переговоров на монгольском языке и в телеграммах из Кяхты в Хурэ. А в китайских источниках об этом было записано лишь то, что: «В официальных документах Внешней Монголии наряду с летоисчислением по китайскому календарю можно использовать также лунный и солнечный календарь» [6].

В ходе трехсторонних переговоров также обсуждались вопросы о государственной границе, торговле, таможне и вопросы, связанные с визовым режимом для граждан трех стран.

Монгольскими представителями по установлению линий границ неопровержимыми фактами было доказано, что «были систематизированы старые карты и реестры» и «харчинские уртоны (почтовые станции), и территории Дариганга все без национальных различий являются истинно нашей халхасской территорией», и в силу того, что китайцев удалось убедить в том, что Цагаантунх с давних времен была «подданной территорией Кобдосского амбана», вышеуказанные территории были включены в состав Монголии. Из архивных документов очевидно, как китайские представители изо всех сил боролись за вышеупомянутые территории [3].

По предложению представителей Российской империи вопрос о русско-монгольской границе остался нерассмотренным. Таким образом, монгольским представителям отказали в объединении монгольской нации как в политическом, так и в территориальном аспектах, а территорией Монголии были признаны четыре халхасских аймака и территория Кобдо [1, с. 211].

То, что на переговорах трех сторон в результате бурных дебатов название Монголии было утверждено как «самоуправляемая Внешняя Монголия» и ее границы были ограничены четырьмя халхасскими аймаками и Кобдо, уже само за себя говорило о невозможности присоединения Внутренней Монголии и Барги к Внешней Монголии. Ввиду этого представители Монголии как участника трехсторонних переговоров, обеспокоенные судьбой народов хошунов Внутренней Монголии, выразивших желание стать подданными провозгласившей независимость Монголии, выдвинули несколько предложений. В частности, получение гарантий китайского правительства, чтобы к монголам, которые выразили желание стать подданными Монголии, отнеслись со снисхождением, дать возможность, если они захотят, вернуться в родные края, где они проживали раньше, по-прежнему сохранять свои обычаи и традицию, свободно исповедовать буддийскую религию, не препятствовать паломничеству к Богдо-гэгэну, не допускать китайцев в администрацию пограничных с Монголией хошунов Внутренней Монголии и не дислоцировать в этих районах китайские войска [3].

Одним из спорных вопросов, которому было уделено немало времени, был вопрос о режиме внутренней торговли Монголии. В источниках архивных документов сохранились документы о том, что российский посол и китайский посланник встретились отдельно по этому вопросу, ими был установлен налог с китайских торговцев под названием «внутренний налог» в качестве таможенной пошлины в размере 2,5 %.

В результате долгих дебатов было постановлено, что «китайские торговцы при ввозе любого товара во Внешнюю Монголию не будут облагаться таможенной пошлиной, а подобно монголам выплачивать фиксированный торговый налог». Хотя не предусматривалось особой статьи для русских торговцев в Монголии, на практике русские торговцы по сравнению с китайскими по-прежнему обладали преимущественными правами согласно 21-й статье трехстороннего договора, в которой было указано, что торговый договор 1912 г. между Россией и Монголией действителен. Во 2-й статье русско-монгольского торгового протокола 1912 г. было указано, что русские торговцы «все без исключения не облагаются ни таможенным, ни арендным и никакими другими налогами».

Одним из вопросов, вызвавших дебаты на трехсторонних переговорах, стал вопрос о гражданском и уголовном разбирательствах случаев мошенничества касательно китайских, российских и монгольских граждан. Вне зависимости от места преступления – в Монголии или нет, совместной договоренностью было указано: «разбор дела между китайскими гражданами решается китайским министром или его заместителями в Хурэ», а «разбор дела между китайскими и монгольскими гражданами» будет решаться совместно китайским министром и монгольскими органами юстиции. Разбирать дела между русскими и китайскими гражданами должны консул России или назначенные им люди и китайский министр или его помощники.

Представители заняли противоположные позиции относительно 12-й статьи трехсторонних переговоров; в связи с временной задержкой китайские представители в феврале 1915 г. выдвинули предложение своему министерству иностранных дел прекратить конференцию. Министерство иностранных дел Китая в ответной телеграмме на это написало: «...Не считаем выгодным для нашей страны срывать переговоры и немедленно отзываться своих представителей в связи с тем, что переговоры с Японией пока не привели к результатам, поэтому просим хорошо подумать об этом и продолжить переговоры в согласии, чтобы завершить их пораньше». По тому, что согласно данному указанию китайские представители продолжили свое участие на переговорах, можно судить об определенном японском влиянии на ход трехсторонних переговоров по вопросу Монголии.

Трехсторонние переговоры завершились 7 июня 1915 г. (по новому летоисчислению), и данным договором был определен международный статус Монголии. Согласно данному договору Монголия стала автономным, или, как называли тогда монголы, самоуправляемым государством. Хотя Монголия получила ограниченные права на самостоятельное решение политических и территориальных вопросов, монголам были предоставлены широкие права на торговлю и право заключать с иностранными державами международные договоры и сотрудничать с ними. То, что Монголия могла самостоятельно решать не только все свои вопросы внутреннего управления, но и получила широкие возможности по самостоятельному решению вопросов, связанных с внешними отношениями, было обусловлено русско-монгольским договором 1912 г.

Достоинно внимания, что международный политико-правовой статус Монголии, определенный трехсторонним Кяхтинским договором, прежде всего стал основой развития отношений с двумя соседними державами.

Можно считать, что заключение договора о дружбе между Россией и Монголией 1912 г., русско-китайской декларации 1913 г. и ноты стали основанием для их рассмотрения на трехсторонних переговорах по определению международного статуса Монголии. Поэтому три стороны приняли участие в кяхтинских переговорах, стремясь отстаивать свои позиции согласно вышеуказанным договорам и декларациям.

То, что в 1914–1915 гг. две державы – Россия и Китай – вынуждены были провести трехсторонние переговоры с участием Монголии, только что восстановившей свою независимость, явилось редким событием в международных

отношениях начала XX в. В 1913–1914 гг. проводилась конференция трех стран в Симле – Англии, Китая и Тибета, однако она завершилась неудачей [8]. Формулировка внутренних и внешних правовых норм существования Монголии с учетом интересов двух великих держав Китая и России и третьей договаривающейся стороны определило международный статус Монголии. С одной стороны, это можно трактовать как диктат сильного слабому своей воли, подчинение последнего своим интересам, но с другой стороны, следует особо отметить, что на пересечении интересов двух могущественных держав Монголия смогла защитить себя, сделать перспективные шаги, ведущие ее на уровень субъекта международных отношений. Таким образом, можно сделать следующие выводы относительно целей и интересов Монголии, России и Китая, участвовавших в кяхтинских переговорах, их результатов и дальнейшей судьбе [1, с. 205–208].

Цель участия правительства Монголии и ее полномочных представителей в трехсторонних переговорах заключалась в следующем:

- получение гарантий независимости Монголии, провозглашенной в 1911 г.,
- присоединение к себе Внутренней Монголии и Барги, поддерживавших правительство Монголии и выразивших свое пожелание присоединиться к ней.

Осуществление целей, поставленных перед собой монгольской стороной на трехсторонних переговорах

Данным трехсторонним договором за Автономной Монголией под сюзеренитетом Китая признавалось право:

- иметь своего императора;
- иметь свое национальное правительство;
- иметь исключительные права на внутреннее управление;
- иметь собственную территорию;
- иметь установленные границы;
- иметь свою армию;
- не иметь на своей территории войска за исключением конвоев, охраняющих дипломатические представительства и России, и Китая;
- ограничить численность китайских подданных на своей территории;
- иметь исключительные права заключать с иностранными державами международные соглашения по всем вопросам торговли и промышленности;
- Россия и Китай обязались не вмешиваться в осуществление Монголией данных прав;
- хотя в политической области признавалась автономия с ограниченными правами, но благодаря стойкой борьбе монгольских представителей в монгольском тексте договора было разрешено применять термин «государство».

Из этого следует вывод о том, что несмотря на ограничение независимости и суверенитета, приобретенных в 1911 г., согласно Кяхтинскому договору 1915 г. Монголия получила международные правовые гарантии, которые не должны нарушать обе соседние страны [1, с. 206]. Следующие документы показывают то, как толковали статус Монголии, определенный трехсторонним договором, монгольские государственные деятели: «Министерство иностран-

ных дел докладывало Богдо-хану в “Тетради с комментариями о содержании китайско-российско-монгольского договора”, что следует опасаться установившейся международной практики, когда сильные диктуют свою волю слабым, стремясь к доминированию собственных интересов, в противном случае... Основное содержание данного договора заключается в том, что наше государство признает автономию в составе Китая, но Китай не имеет права вмешиваться в наши внутренние дела... Это рассматривалось как официальная политика и позиция, которых придерживалось правительство Монголии по поводу трехстороннего договора».

Стремление монгольских правителей получить гарантии независимости и суверенитета на кяхтинских переговорах прежде всего основывалось на традиционном подходе к истории, согласно которому Монголия с давних времен существовала отдельно от Китая и отделилась от Маньчжурии до Китая, провозгласив независимость в 1911 г.

Официальным названием страны в 1911 г. было «Монголия». А по Кяхтинскому договору 1915 г. ее официально называли «Автономная Внешняя Монголия». Согласно договору 1915 г. за автономным правительством Внешней Монголии было признано не только исключительное право ведать своими внутренними делами, но и в равной степени, как было отмечено в вышеуказанной книге, заключать международные договоры и соглашения с иностранными державами. Не имеется документов, которые отрицали бы реальное существование Монголии, которая проводила собственную политику подобно другим иностранным странам. Данный договор разделил Монголию на Внешнюю и Внутреннюю, а в территориальном отношении явился юридическим документом, отделяющим Внутреннюю Монголию от Внешней. Автономная Монголия на основе сюзеренитета Китая в отличие от Внутренней Монголии как области Китая имела право на самостоятельность. Таким образом, мы приходим к выводу, что договор 1915 г. явился препятствием в борьбе монгольских племен за независимость Монголии и достижении ими своей цели, создавшим одну из предпосылок для их раздельного существования [1, с. 208].

Цель правительства Китая и его полномочных представителей в трехсторонних переговорах заключалась в следующем:

Китай считал себя как бы правопреемником Маньчжурии, в состав которой входила Внешняя и Внутренняя Монголия, и тем самым стремился унаследовать и сохранить все права относительно монголов;

– для этого Китай настаивал на том, чтобы Монголия признала русско-китайскую декларацию и чтобы считать недействительной независимость Монголии, упразднить титул правления так называемого года Многими Возведенного и хана Монголии.

Участием в трехсторонних переговорах китайская сторона осуществила свою цель по отношению Внутренней Монголии. Однако в отношении Внешней Монголии она встретила сопротивление представителей Внешней Монголии и России. И Внешняя Монголия сохранила за собой формальный сюзеренитет Китая.

В ходе переговоров китайские представители решительно протестовали против формулировки Монголии как государства, они объявляли, что «если признать ее как государство, то она отделится от Китая, и приведет к поглощению ее Россией», и хотя неоднократно требовали, поскольку «Монголия объявила о провозглашении независимости мировому сообществу, то ей надлежит отказаться от независимости», на деле им не удалось запретить право Монголии на государство, вследствие чего сохранились основы монгольской государственности в колыбели монгольской национальной революции 1911 г. [1, с. 209].

Цель правительства императорской России и его полномочных представителей в трехсторонних переговорах заключалась:

– в желании упрочить свои политические и экономические позиции во Внешней Монголии, завоеванные благодаря поддержке ее национальной революции 1911 г., и превратить Внешнюю Монголию в сферу своего доминирующего влияния;

– осуществление задач, поставленных перед правительством императорской России во время участия в трехсторонних переговорах:

В начале кяхтинских переговоров по настоянию российского правительства между представителями России и Монголии был тайно заключен в Кяхте договор по четырем направлениям: о выдаче кредита, закупке вооружения, о строительстве железной дороги, телеграфных линий, который явился гарантией для укрепления политических и экономических позиций Монголии.

С утверждением формальных прав сюзеренитета Китая над Монголией в условиях начавшейся Первой мировой войны Россия была заинтересована в нормализации отношений с Китаем на основе взаимопонимания, а также стремилась не противоречить позициям своих союзников – Англии и Франции – в отношении Китая.

То, что Россия придерживалась противоположной от монгольской позиции в отношении других монгольских национальностей, поддержавших независимость Монголии, подтверждается договорами 1907, 1910 и 1912 гг. с Японией, превратившей Монголию в сферу своего влияния, а также договором с Китаем, согласно которому Барга попала под российское влияние, а также было связано с опасениями, что буряты и другие монгольские народности внутри России объединятся с монгольским национально-освободительным движением [1, с. 209].

Термин «автономия», использованный в отношении Монголии в тексте Кяхтинского договора, по международным стандартам применялся в отношении самостоятельного государства. Представители правительства императорской России заявляли, что «определение места Монголии на международной арене для России не менее важно, чем для Китая». Россия считала, что после получения Монголией автономии под сюзеренитетом Китая не потеряет своего влияния в Монголии, которая в дальнейшем станет буферным государством под покровительством Российской империи.

В процессе кяхтинских переговоров китайская сторона интерпретировала сюзеренитет как право хозяина (сюзерена). Российской стороной это объяснялось как «ограниченное господство (доминирование)», а монгольские предста-

вители употребляли его в значении «ограниченное господство». Слово «автономное» предлагалось переводить на монгольский как «самоуправление». Поскольку три стороны понимали и трактовали вышеуказанные слова по-своему, как написано в книге «Новая история Монголии» Магсар хурца, при написании данных слов руководствовались французским текстом. Министр иностранных дел России Сазонов в своем письме к генеральному консулу Миллеру в Монголии писал: «Признанный нами сюзеренитет Китая над Монголией является всего лишь связью между двумя государствами в юридическом отношении, и дело в том, что Китай не отрицает исключительное право Внешней Монголии ведать всеми делами своего внутреннего самоуправления, равно как и заключать с иностранными державами международные договоры и соглашения по политическим вопросам». В «Тетради с комментариями о содержании китайско-русско-монгольского договора», предоставленной министерством иностранных дел Богдо-хану, говорилось: «Признание Внешней Монголией сюзеренитета Китая над ней вовсе не привело к потере ее политических позиций. Наоборот, то, что она получила право наряду с Китаем и Россией участвовать в переговорах и подписании договора, свидетельствует мировой общественности о появлении возможности автономного государства решать свои внутренние вопросы» [2, с. 470].

Заключение

Если рассматривать Кяхтинский договор трех государств с точки зрения международного права, то можно выдвинуть некоторые соображения, позволяющие по-новому дать ему историческую оценку. В частности, имеются все основания полагать, что поскольку в ходе заключения тройственного Кяхтинского договора Монголия принимала участие как полноправный субъект и при этом соблюдались теоретические и практические нормы международного права начала XX в., монгольский вопрос приобрел международное значение. Это также явилось успехом монгольских государственных деятелей того времени в борьбе за укрепление своего государства. И то, что французский язык, являющийся дипломатическим языком международного сообщества, использовался как основной в ходе тройственных переговоров во избежание возникновения недоразумений, что позволило предупредить искажение содержания обсуждаемых вопросов в пользу какой-либо страны, утвердить и подписать повестку следующих заседаний, – все это свидетельствует о том, что они руководствовались нормами международного права [1, с. 211].

На кяхтинских переговорах территория суверенной Монголии была определена «бывшими территориями, находившимися под администрацией министра Хурэ, главнокомандующего Улясутая, Кобдосского сайда, а также граничащими с Китаем восточными территориями от Кулон буйра, южными – от Внутренней Монголии, юго-восточными районами от Новых территорий, восточными территориями Алтая, граничащими между собой четырьмя халхаскими аймаками и многими хошунами Кобдосских территорий», что является ярким доказательством признания ее как независимого от Китая международного субъекта [1, с. 211]. Эта статья пограничного договора впоследствии стала не только обоснованием по установлению статус-кво Монголии на заседании трех держав в Ялте в 1945 г., но и послужила основанием решения пограничных споров о детальном установлении границ с соседними державами.

Список литературы

1. *Батсайхан О.* Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос, Монгол гурван улсын 1915 оны Хиагтын гэрээ (1911–1916) / О. Батсайхан. – Улан-Батор, 2007.
2. *Батсайхан О.* Последний император Монголии VIII Богд Жавзандамба хутагт: Жизнь и легенда / О. Батсайхан. – Улан-Батор, 2011.
3. Национальный архив Монголии. Ф. А4. Оп. 1. Ед. хр. 38.
4. Русско-китайско-монгольский кяхтинский договор 1915 г. // Сборник дневников и документов / коммент. О. Батсайхана. – Улан-Батор, 1999.
5. Archives of Institute of Modern history, Academia Sinica, Taipei, Taiwan, 03–32–158–1. P. 36.
6. Archives of Institute of Modern history, Academia Sinica, Taipei, Taiwan, 03–32–170–1. P. 92–99.
7. *Chi Hsiung Chang.* «Disputes and Negotiations over Outer Mongolia's National Identity, Unification or Independence and Sovereignty» 1911–1916 / Chi Hsiung Chang ; An Observation based on the Principle of the Chinese World Order published by the Institute of Modern History. – Academia Sinica, Taipei, Republic of China, 1995.
8. *Clive Christie.* Great Britain, China and the Status of Tibet / Clive Christie // Modern Asian Studies. – 1976. – Vol. 10, N 4. P. 481–508.

Treaty of Kyakhta of 1915 between Russia, Mongolia and China

O. Batsaykhan

Institute for International Research of the Mongolian Academy of Sciences, Ulan-Bator

Abstract. The article considers the three-lateral negotiations, held from 26 August of 1914 till 25 May of 1915 (according to the new style calendar, from 8 September of 1914 till 7 June of 2015) in Kyakhta. The main issue to be decided was the independence of Mongolia. The author gives scientific assessment of the three-lateral negotiations.

Keywords: Bogdo Javzandamba Khutagt, Mongolian national revolution of 1911, China, Russia, Mongolia, Outer Mongolia, independence, Bogdo-khan, Bogdo gagan, Kyakhta, Treaty of Kyakhta of 1915.

Батсайхан Оохной

*доктор исторических наук
Институт международных
исследований Академии наук Монголии
210524, Монголия, Улан-Батор -24,
Баянгол 19 Хороо, П.О.Б. 46
тел.: 8(976)11–362–281
e-mail: mon_archives_b@hotmail.com*

Batsaykhan Ookhnoy

*Doctor of Sciences (History)
Institute for International Research
of the Mongolian Academy of Sciences
46, Bayangol 19 Khoroo, Ulan-Bator-24,
210524
tel.: 8(976)11–362–281
e-mail: mon_archives_b@hotmail.com*